

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается проблема основ лингвистики на трех уровнях: философском, или метатеоретическом, методологическом и собственно лингвистическом. Философский аспект проблемы заключается в априорных мировоззренческих допущениях, не поддающихся проверке, таких как противопоставление номинализма и реализма. На методологическом уровне крайне важны различия между точными и гуманитарными науками. Культурологические особенности коммуникации проявляются в определенных культурных семантических компонентах слов, имплицитных значениях и подтекстах. Понятия «фоновые знания», «косвенные речевые акты» и «вербальные ассоциации» являются основополагающими для лингвокультурологического анализа.

The author considers the subject at three levels: philosophical or metatheoretical, methodological and linguistic proper. The metatheoretical aspect consists of unverifiable a priori assumptions, such as nominalism-realism opposition. The methodological level discovers the difference between the sciences and humanities. Semiotic peculiarities are manifested in the specific cultural semantic components of words and implied meanings of indirect speech acts.

Некоторое время назад нами была опубликована статья очень сходная по теме [Чернобров, 2004]. Настоящая статья продолжает и развивает высказанные ранее идеи. Проблемы методологии все чаще обсуждаются лингвистами и осознаются ими как очень сложные и важные.

Дискуссии начинаются уже с определения статуса лингвистики как науки. Точные и гуманитарные науки используют настолько различные методологии, что обозначаются по-английски разными словами: sciences и humanities. Есть три основных отличия точных наук: 1) ключевое понятие закона, выражающееся точными соотношениями; 2) измерение основных результатов точными числовыми величинами; 3) формализация языка. Закон Эйнштейна гласит, что излучаемая энергия объекта, например звезды, равна произведению массы объекта на квадрат скорости света: $E = mc^2$. Если у физиков какой-то из параметров «не сойдется», то возникает дилемма: либо закон неверен, либо подсчеты неверны. Физики не допускают, что для какой-либо звезды можно сделать исключение. Исключения из закона невозможно ни для логиков, ни для юристов, ни для физиков. Лингвистов исключения, как правило, не смущают.

Конечно, в лингвистике, как и в естественных науках, существуют законы, но «не со-

всем точные законы». В этом смысле наиболее точной областью лингвистики является фонетика, так как в ней больше законов, и они яснее формулируются. Фонетика ближе всего к физиологии, речевой аппарат имеет конкретные физиологические особенности. «Мостом» между фонетикой и естествознанием (физиологией) служит логопедия. Так, например, понятие «ротацизм» существует в обеих науках. Все же фонетические и физиологические законы очень различны. Еще в 1883 г. Н. В. Крушевский писал: «..выражение “звуковой закон” далеко не точно: нет никаких самостоятельных, первичных звуковых законов; самостоятельны и первичны только физиологические законы. Всякие однообразия фонетики – будут ли это однообразия звуков и их сочетаний или однообразия изменений звуков, и изменений их сочетаний – суть только результат однообразия артикуляций и групп артикуляций или однообразия в изменении отдельных артикуляций и групп артикуляций».

Кроме того, есть еще одна особенность: действие этих законов изменяется со временем. Возьмем известный закон ротацизма. Он гласит: «звук s между гласными в позиции перед ударным слогом переходит в R». В учебниках говорится, что в латинском язы-

ке действие закона ротацизма завершилось, по-видимому, к началу IV в. н. э. Аналогичный закон, как и закон Вернера, действовал в германских языках и тоже до какого-то времени. Таким образом, физические законы вечны, языковые бывают ограничены во времени. Но принцип детерминизма требует, чтобы любой процесс или его прекращение получило ясное объяснение. Прекращение действия закона Вернера принято объяснять изменением системы ударения в языке (см.: [Иванова и др., 1998. С. 48–49]). Но почему изменилось само ударение? Однозначного ответа на этот вопрос мы не найдем. В конце концов фонетические законы превращаются в «правила чтения», которые часто имеют приблизительные формулировки, например: «буква *a* в закрытом слоге перед *w*, как правило, читается как *ɒ*: *was, want, watch*, но *wax, wank*». Чем дальше мы удаляемся от фонетики, тем меньше законов, похожих на естественно-научные, мы можем встретить.

Языковые законы не следует смешивать с правилами (нормами). Нормы языка – это конвенции, которые в принципе могут быть изменены. Например, грамматические правила русского языка могут быть пересмотрены, об этом уже идут дискуссии.

Второе отличие лингвистики от точных наук заключается в том, что точные числовые измерения имеют гораздо меньшее значение в языкознании. В лингвистике необычайно мало формул и числовых коэффициентов. Существуют, например, типологические индексы Дж. Гринберга. Один из них – показатель синтетичности языка. Он выражается отношением числа морфем в тексте к числу слов. Этот индекс «для английского языка колеблется между 1,62 и 1,68, для русского языка составляет 2,33–2,45» [Аракин, 2000. С. 64]. Ясно, что индекс синтетичности для русского языка выше. Неясно, сколько процентов колебаний допустимо для этого индекса и почему. В этом суть приблизительности лингвистической науки. В конечном счете, возникает вопрос, нужны ли вообще точные количественные измерения в языкознании. Во всяком случае, ценность лингвистических исследований не всегда пропорциональна точности измерений.

Показательно, что формализация и применение математических методов в науке часто приводит к блестящим прорывам, как, например, в логике или кибернетике. Но в лингвис-

тике математические методы не дали столь впечатляющих результатов. Компьютеры, изменившие нашу жизнь на рубеже XXI в., мало помогают в переводе или в установлении авторства текста. Причина этого, очевидно, в том, что лингвисты недостаточно знают математику, а математики – недостаточно глубоко разбираются в проблемах языкознания. Лингвистам и математикам нужно теснее сотрудничать, несмотря на всю разницу их методологий и темпераментов.

В философских кругах обсуждается проблема: существует ли методология, общая для гуманитарных и естественных наук? Могут ли гуманитарные науки обогатить своей методологией естествознание? Существует ли, например, общность подходов в истории, лингвистике, биологии и физике?

Некоторые специалисты по методологии науки отвечают на эти вопросы положительно. Мы можем согласиться с таким взглядом только частично и с большими оговорками. Начнем с того, что гуманитарные науки очень неоднородны и зачастую не имеют между собой ничего общего, кроме своего объекта – человека. История (исключая археологию) в большой степени состоит из интерпретаций, а не из изучения эмпирических фактов. Психология – отчасти эмпирическая, отчасти метафизическая (спекулятивная) область. Даже в рамках одной науки, например той же психологии, существуют различные школы с очень разными методами исследования, от чисто эмпирических до метафизических и даже мистических. Так, противники К. Г. Юнга часто обвиняли его в мистицизме и ненаучном, «проphetическом» подходе. Вряд ли можно говорить, что история, археология, психология и лингвистика требуют одинакового подхода, который Дройзен, Дильтей и другие называют «чувствующим». По их мнению, этот подход отличает «науки о духе» от естествознания.

Противники Дройзена и Дильтея – позитивисты – думали иначе. По их мнению, философия – вообще не наука, так как не имеет доказуемых оснований, история – наука лишь в той мере, в какой она детерминирована экономикой или психологией. Сама психология тоже должна быть эмпирической наукой, говорили они. В лингвистике поле для метафизики еще уже, чем в психологии. Ф. де Соссюр, который также испытал влияние позитивистов, положил начало структурной лингвистике, считая ее более «научной», чем учения предшественников. Дальше по этому

пути пошел Л. Ельмслев. Недовольный «приблизительностью» лингвистики, которая вся построена на неполной индукции, он пытался применить дедуктивные подходы, характерные для математики. Правомерность «деиндуктивизации» лингвистики и результативность такого подхода оспаривались как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Повторим, что в любом случае можно говорить о плюрализме в методологии общественных наук. Общее в этих дисциплинах – не их метод, а объект – человек.

В конце XX в. стало популярным утверждение о том, что, заимствуя друг у друга методы и понятия, естествознание и «науки о духе» обогащают друг друга. Это не всегда так. Часто приводится пример – принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором в квантовой механике и состоящий в том, что нельзя одновременно определить импульс (количество движения) данной частицы и ее положение в пространстве-времени. Этот же принцип якобы приложим к лингвистике: ни один реальный объект не отвечает в полной мере тем свойствам, которые заданы обозначающим его словом, поэтому возможно одно из двух: либо определение точного значения слова (например, «стул»), либо правильная референция (указание) на конкретный стул. Все же между языком и квантовой механикой меньше общего, чем это казалось некоторым публицистам, прочитавшим научно-популярные книги Н. Бора и В. Гейзенберга. Действительно, в научном языке в рамках данной теории необходимо точное определение значения каждого термина. При этом, как правило, эти термины указывают не на эмпирические, а на абстрактные объекты. Напротив, в обыденном языке знаки служат для коммуникации, а не для точных дефиниций. Здесь для выявления семантической структуры часто достаточно процедуры компонентного анализа семантического поля родственных слов. Например, определение слова «стул» – это: «предмет мебели для сидения на одного человека со спинкой без подлокотников». Легко установить, что все это – необходимые и достаточные признаки стула. Например, исключив признак «без подлокотников», мы записали бы в класс стульев кресла¹ и т. д. Приведенное номинальное определение вполне пригодно для коммуникации. Большой глубины или точности для общения не требуется.

¹ Сравните буквальный перевод англ. слова *Armchair* «стул с подлокотником».

Имеет ли обсуждаемая проблематика какое-либо отношение к принципу неопределенности Гейзенберга? Даже если считать, что между физикой и лингвистикой есть что-то общее, это можно обсуждать на уровне метафоры, не говоря о какой-либо аналогии или изоморфизме (подобии). Метафора – один из важнейших компонентов языка, более того, ни один язык не был бы возможен без нее. Метафора – это также один из ключевых познавательных механизмов человека, она помогает понять и усвоить сложные понятия и их связи. Но не следует смешивать метафору как уподобление и истинное подобие. Принятие метафоры за изоморфизм может привести к глубоким заблуждениям. Таким образом, естествознание вряд ли может непосредственно помочь в построении лингвистических теорий или усвоении законов языка.

Еще одна метафора, часто используемая в лингвистике – компьютерная метафора. Можно сказать, что теория фреймов Минского вся основана на компьютерной метафоре. Многие современные работы, по заявлению их авторов, основаны на «теории фреймов», хотя корректнее было бы говорить о «гипотезе фреймов». Само существование фреймов в человеческой памяти не доказано. Современная когнитивная лингвистика, развивая эту теорию, не всегда четко разграничивает формальные доказательства и гипотезы, построенные на неполной аналогии. Доказательства существования фреймов может дать нам нейрофизиология, но это произойдет не сегодня.

Все сказанное касалось собственно методологии лингвистики и методологии науки вообще. Фреймы – это пример проверяемой, верифицируемой гипотезы. Философия языка или философия в языке – это совокупность недоказуемых априорных мировоззренческих допущений, лежащих в основе той или иной лингвистической теории.

В советское время считалось обязательным указывать на то, что методологической основой той или иной научной работы служит марксистская философия. Сейчас этого не требуется, тем не менее в основе любого исследования действительно лежит какая-либо философская методология, хотя авторы не всегда осознают это.

В истории философии мы довольно отчетливо различаем две линии: эссенциалистскую и номиналистскую. Это различие – один из главных вопросов философии. По мнению Джеймса и Юнга, он является едва ли не ос-

новным, потому что напрямую связывает мировоззрение с типом темперамента. Современные психологи употребляют термин «темперамент» в более строгом смысле, чем это делал Джеймс. В нашем случае, возможно, более уместен термин «тип личности» или, если говорить еще осторожнее, «тип мышления». Вопрос о статусе имен решается по-разному, в зависимости от эссенциалистского или номиналистского взгляда мыслителя. С другой стороны, это различие мировоззрений порождает два разных взгляда на материальный и духовный аспекты культуры и их отражение в языке.

Попытки типологии научных теорий, подобные приведенной выше, имеют давнюю историю. Наиболее известные из них носят именно психологический характер, как теория Уильяма Джеймса [1910]. Напомним главную мысль теории Джеймса о психологических типах, которая, в свою очередь, явилась одним из основных источников системы К. Г. Юнга: «История философии является в значительной мере столкновением известных психологических темпераментов (характерологических расположений). Темперамент [профессионального философа] составляет более сильный предрассудок, чем любая из его объективных предпосылок. Он придает вес своим доказательствам в том или ином направлении... Он желает себе такого мира, который бы соответствовал его темпераменту. Он доверяет каждому изображению мира, который к нему подходит. Людей другого темперамента он воспринимает как неверно настроенных по отношению к действительному характеру мира» (цит. по: [Юнг, 1994. С. 364–390]).

Далее Джеймс приводит ставшую знаменитой таблицу характеристик «нежного» и «жесткого» типа, подробно рассматриваемую Юнгом:

РАЦИОНАЛИСТ	ЭМПИРИК
ИНТЕЛЛЕКТУАЛИСТ	СЕНСУАЛИСТ
ИДЕАЛИСТ	МАТЕРИАЛИСТ
РЕЛИГИОЗЕН	БЕЗРЕЛИГИОЗЕН
ОПТИМИСТ	ПЕССИМИСТ
ИНДЕТЕРМИНИСТ	ДЕТЕРМИНИСТ, ФАТАЛИСТ
МОНИСТ	ПЛЮРАЛИСТ
ДОГМАТИК	СКЕПТИК

Может быть, любой анализ теорий должен начинаться или заканчиваться психологическим анализом его автора?

Конечно же в каждую определенную эпоху требуется тот или иной тип мыслителей, и этот наиболее востребованный тип может господствовать в данную эпоху. Но сам тип мыслителя, особенно если это выдающийся и независимый мыслитель, формируется, скорее, не под влиянием эпохи, а наперекор ей и обусловлен только личными качествами этого мыслителя.

Философия, которая, согласно Джеймсу, обусловлена психологией, выражает себя в языке через парадигму языка. Культура и психология также отражаются в вербальных, синтаксических и других формах языка. Мыслители, осознанно или неосознанно, строили цепочку недоказуемых предпосылок, которые служили базой их теорий языка. Мы попытаемся сформулировать эти предпосылки.

Первая, эссенциалистская, линия исходит из следующих положений.

1. Знания, в том числе языковые, даются человеку а priori, до опыта.
2. Язык первичен по отношению к мышлению, он детерминирует мышление.
3. Язык отражает присущую вещам сущность, мы познаем эту сущность через язык.
4. Общие понятия не могут образовываться произвольно, они отражают общее в самих вещах.
5. Единичное менее важно, чем всеобщее.
6. Местоположение, «локус» истины находится в слове-понятии. Истина непреходяща. Даже если вещи изменяются, высший разум заключает в себе истину, и в этом смысле истина вечна. Она может быть дана человеку через откровение. Истина не постигается при помощи опыта. Ключ к ее постижению есть слово.

Второе, противоположное течение выдвигает следующие постулаты.

1. Знания приобретаются из опыта, а posteriori.
2. Мышление может преодолеть зависимость от языка.
3. Конечная сущность вещей непознаваема. Язык связан с представлениями ассоциативно.
4. Общие понятия произвольны и образуются по договору.
5. Единичное первично, понятие об общем складывается из единичных фактов.
6. Истина есть логическое значение высказываний.

Как видим, постулаты (1) и (6) в обеих парадигмах относятся к противопоставлению

рационализма и эмпиризма. Все эти предпосылки тесно связаны.

Первая, эссенциалистская, линия идет от Платона и таких его предшественников, как Парменид и Гераклит. В отечественных учебниках и словарях по философии «номинализм» и «реализм» считали двумя точками зрения в средневековом «споре об универсалиях», т. е. общих понятиях. Логические позитивисты и некоторые другие философы, в особенности К. Поппер [1992], считают, что эссенциализм и номинализм гораздо старше средних веков. Платон, говорил, что небесная идея есть прототип всех вещей, единичное – лишь тень этой идеи, идеальная сущность есть реальность, а единичные вещи – лишь отображение реальности, «тени на стенах пещеры». Тем самым Платон уже сформулировал основной тезис эссенциализма: сущность – это то, что должны искать философы. Познание сущности первично по отношению к познанию явления.

Исходя из сказанного приведенную выше таблицу можно дополнить. Модифицированная таблица Джеймса-Юнга могла бы выглядеть следующим образом:

МИСТИК	РАЦИОНАЛИСТ
ЭССЕНЦИАЛИСТ	НОМИНАЛИСТ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛИСТ	ЭМПИРИК
ИДЕАЛИСТ	МАТЕРИАЛИСТ
ВЕРУЮЩИЙ	АГНОСТИК
ИНДЕТЕРМИНИСТ	ДЕТЕРМИНИСТ
ТЕЛЕОЛОГИЯ	ПРИЧИННОСТЬ
МОНИСТ, ХОЛИСТ	ПЛЮРАЛИСТ
ДОГМАТИК	СКЕПТИК

Мы заострим внимание на трех важных моментах. Во-первых, мы добавили в приведенную таблицу два противопоставления: «эссенциализм – номинализм» и «телеология – причинность».

Во-вторых, нам представляется, что любая типология научных теорий и, в частности, лингвистических учений, в конце концов сведется к психологической постольку, поскольку теория выходит на философский уровень.

В-третьих, нам кажется, что очень немногим мыслителям удалось возвыситься над этим «предрассудком темперамента», даже несмотря на полное осознание этого предрассудка. Самый яркий пример – это случай самого Юнга. Критикуя ограниченность эмпирического, «экстравертного» метода Фрейда, с одной стороны, и умозрительной «интравертной» методики А. Адлера, с другой, Юнг настаивал, что синтезировал оба взгляда, из-

бежав ущербности каждого из них (см. его книгу «О психологии бессознательного», 1916 г.) [Юнг, 1995]. Однако большинство исследователей Юнга согласны в том, что его мистический темперамент сказывается в его теориях даже сильнее, чем у критикуемого им Адлера, и юнгианство никак нельзя назвать синтезом двух противоположностей (см., например, предисловие к указанной книге). Более последовательными представляются усилия И. Канта. «Критика чистого разума» – не что иное, как стремление «встать посередине» между двумя тенденциями в философии. В Предисловии Кант осуждает материализм и идеализм как два крайних заблуждения, на последних страницах «Критики» в главе «История чистого разума» он подчеркивает односторонность *рационализма и эмпиризма, интеллектуализма и сенсуализма, догматизма и скептицизма*. Кант не придерживается середины только в вопросе религии. Но повторим, что большинство попыток отстраниться от личных «предрассудков темперамента» ученого – гуманитария или философа, менее последовательны. Мы не скрываем наших симпатий к эмпирическому методу и скептического отношения к эссенциализму и телеологии.

Осознание парадигмальной принадлежности той или иной лингвистической теории поможет устранить некоторые противоречия, которые ранее казались тупиковыми. Тем большего успеха может добиться лингвист, чем полнее использует мощные ресурсы логики и психологии.

Нередко лингвисты открыто высказывают свои предпочтения в той или иной области на основании эмоций. Например, некоторые отвергают позитивизм или «примитивный эмпиризм» и настаивают, что без поэзии и эмоциональной составляющей язык понять невозможно. Но смешивание науки и поэзии не всегда продуктивно. Главная опасность такого подхода – это упомянутое выше смешение метафоры и аналогии, смешение метафорического и прямого значения терминов. Сейчас идет дискуссия о том, являются ли слэнг и литературный язык, язык разных поколений «одним и тем же языком». На первый взгляд можно найти много доказательств того, что разные поколения разговаривают на разных языках, так как имеют разный внутренний мир, используют разную лексику и грамматику, вкладывают в слова разные значения и т. д. Но «позитивист» возразит, что словосочетание

«разные языки» употреблено здесь в метафорическом смысле. «Позитивист» предложит четкие критерии разграничения языков: «основной словарный фонд», «основы грамматики и фонетики» и т. п.

Еще один пример парадигмального различия мышления исследователей – это «бинарный» и «полевой» или «диалектический» подходы. И. В. Арнольд [1966; 1986] и О. И. Москальская [1976] последовательно придерживаются бинарного оппозитивного принципа, Г. С. Щур [1974] отвергает его, защищая теорию поля в лингвистике. Ф. де Соссюр в своих постулатах следует двузначной аристотелевской логике: «или да – или нет», Ю. С. Степанов [1975. С. 254–266] «переписывает» эти постулаты в духе гегелевской диалектики: «и да – и нет» или «ни да, ни нет». Ни одна из этих точек зрения не может быть полностью опровергнута, так как в основе каждой из них лежат философские «предрассудки темперамента».

С одной стороны, лингвистика, как любая наука, имеет границы доказуемости. Изучая проблему «до предела», мы доходим не только до границы известного, но и до границы доказуемого (опровержимого). Пределы известного устанавливает опыт, пределы доказуемого устанавливает философия.

С другой стороны, философское «видение мира» выражается при помощи языка. Философская парадигма находит отражение в парадигме языка. В свою очередь, философская и языковая парадигмы обусловлены психологическим типом их носителя. Таким образом, язык, философия и психология взаимно детерминированы.

О влиянии языка на мышление сказано очень много, главным образом в связи с «гипотезой Сепира-Уорфа», но на наш взгляд, мышление заметно больше влияет на язык, чем язык на мышление. «Предрассудки формы языка» все же не самые сильные из предрассудков и могут быть преодолены.

Мы наметим здесь основные положения парадигматического подхода в лингвистике. Тип языковой парадигмы может определяться исходя из трех его аспектов – семантики, синтаксиса и прагматики. С точки зрения синтаксиса парадигмы могут быть двух типов: именная и предикатная. Центром первой парадигмы является имя как существительное и как подлежащее. Все другие элементы языка – это как бы развернутая потенция имени – сущности. Наибо-

лее последовательными сторонниками именной парадигмы были средневековые схоласты. Показательно, что они считали существительное исходной формой любого понятия. Категории у Аристотеля были сформулированы в виде вопросительных местоимений или глаголов: *poson*, *roion*, *roiein* – сколь многих, какой, делать и т. д. Схоласты перевели эти слова на латынь как *quantitas*, *qualitas*, *actio* – качество, количество, действие. Слов «качество» и «количество» (дословно «каковость» и «сколькость») вообще не было в эпоху Аристотеля. Противоположная, предикатная парадигма идет от стоиков. Центром этой парадигмы является высказывание и его главный элемент – сказуемое. Эта парадигма наиболее последовательно отражена в теориях Фреге и Рассела, где сказуемое – это пропозициональная функция, в которую имена только подставляются как переменные.

С семантической точки зрения языковые парадигмы могут быть субстанциальными (имманентными) или конвенциональными. Для одних слова – врата к сущности вещей, для других – условные знаки.

С прагматической точки зрения, точнее с точки зрения дейксиса, парадигмы языка могут быть эгоцентрическими или объективистскими. «Эгоцентристы», ярким примером которых могут служить экзистенциалисты, выдвигают на первый план соотносительность языка и речи с личностным «Я», прежде всего со своим собственным. Определяющие категории в такой парадигме – «я, здесь, сейчас». Например, значение слова «море» определяется прежде всего моими личными сиюминутными ассоциациями по поводу моря. У «объективистов» подобные ассоциации отходят на второй план. Подчеркнем, что, по нашему мнению, главным в любой парадигме языка, как и в философской парадигме всегда оказывается психологический фактор.

Чисто философские противопоставления находят самое непосредственное отражение в лингвистике, в частности в трактовке значения слова.

Наиболее последовательными сторонниками противоположных взглядов на значение слова были номиналист Локк и реалист Лейбниц [Локк, 1985; Лейбниц, 1983]. Лейбниц утверждал, что слово связано со всеми признаками вещи, «не только теми, которые мы знаем, но и теми, которые мы не знаем». Эту

трактовку можно назвать экстенциональной² Действительно, слово «Луна» каким-то образом всегда было связано с самой Луной, независимо от того, как менялись и будут меняться наши знания о ней. Локк, напротив, говорил, что знак не может быть связан со свойствами, неизвестными говорящему. Слово связано только с теми признаками, «до которых нам больше всего дела». «Название, например, “золото”, означает не только то, что знает о нем человек, произносящий это слово, но и то, чего он не знает» [Лейбниц, 1983. С. 361]. Его оппонент возражает, что тогда определение было бы слишком длинным, и «чтобы определить субстанции, как следует, надо изучить всю естественную историю». Эта мысль через многие годы повторится у А. А. Потебни в теории «ближайшего» и «дальнейшего значения» [Потебня, 1958. С. 18–20]. Л. Блумфилд [1968] считал, что «значение слова вообще не может быть проанализировано в рамках нашей науки», т. е. лингвистики (цит. по: [Апресян, 1966. С. 102]). На наш взгляд, Потебня и Блумфилд смешивают здесь две вещи: «субстанцию» и значение слова. «Субстанцией» занимаются специальные науки. Значение слова – это род + видовое отличие или характерный признак, чем и занимаются лингвистика и логика. В сознании человека знания о «субстанции» и характерных признаках смешаны.

Мы больше склоняемся к линии, подчеркивающей произвольность знака. Эта линия выделяет преимущественно конвенциональный характер имен обыденного языка. Сопоставительный анализ концептуальных картин различных языков, ментальных, концептуальных реалий различных культур укрепляет в этом мнении. Проиллюстрируем это примером Ф. Боаса: в языке одного из индейских племен отсутствует общее имя для концепта «снег». Существуют отдельные понятия: «падающий снег», «лежащий снег» и «талый снег». Этот пример показывает, что определяющим свойством предмета служит характерный признак, «до которого нам больше всего дела». Выбор такого признака часто

произволен. Переименование вещи часто обусловлено культурными стереотипами коллективного сознания.

Различия между реализмом и номинализмом в подходе к значению слова – яркий пример разницы методологических основ теории языка. Особенность философских предпосылок состоит в том, что они недоказуемы, поэтому победа в философском споре определяется не столько тем, кто ближе к истине, сколько интеллектуальной силой спорящих сторон. Еще один пример философской предпосылки – материализм, т. е. вера в то, что значения слов определяются реальным миром вне нас. Российский психолингвист А. А. Залевская пишет: «...в настоящее время не имеется ни фундаментальной теории, ни непротиворечивой классификации всех известных типов и видов признаков. Это определяется тем фактом, что за признаком стоит вещь, от которой он отвлечен» [Залевская, 1992. С. 101]. Вот квинтэссенция философского взгляда, исходящего из материалистического допущения. Философы называют это именно допущением, так как оно недоказуемо в принципе, как недоказуемо и обратное. Подобные философские постулаты обязательно лежат в основе любой теории языка. Выбор ответа на базовые философские вопросы до какой-то степени произволен.

Противоположная точка зрения гласит, что реальность объекта не имеет значения для языка. Как говорил И. Кант, тысяча реальных талеров в моем кармане имеет точно те же признаки, что и тысяча воображаемых талеров [Кант, 1994]. Язык отражает сознание, а не реальность. Естествознание обязано стремиться преодолеть субъективизм в исследовании. Лингвистика, напротив, должна максимально учитывать субъективность восприятия мира. Яснее всего эта субъективность проявляется в сопоставлении национально-культурных особенностей конкретных языков. Мы уже приводили пример со словом «снег». Многочисленность терминов для обозначения снега обусловлена субъективной значимостью снега для североамериканских племен, живущих в полярном климате.

Ю. А. Сенкевич рассказывал в телепередаче «Клуб путешественников» о своем пребывании в одном из первобытных африканских племен. Он спрашивал аборигенов, как называется тот или иной плод или растение, и часто получал ответ «никак, мы этого не едим». Показательно, что для многих несъедобных пло-

² Интенционал (лингв., лог.) – содержание понятия, необходимые и достаточные признаки, задающие то или иное понятие. Эти признаки представлены в виде жесткой, закрытой структуры. (ср.: Экстенционал). Экстенционал (лингв., лог.) – объем понятия, предметная область, описываемая данным понятием. Экстенциональный (лог.) – относящийся к эмпирическому объекту, а не к его описанию или понятию о нем.

дов в этом языке не было отдельных слов, язык не образовал отдельных понятий для субъективно малозначимых предметов.

Систематизация структуры слова опирается на пришедшие из античной риторики понятия метафоры и метонимии. Попытки систематизации минимальных компонентов значения, сем, наталкиваются на большие трудности. Для анализа значений слов обывденного языка мы должны отказаться от каких бы то ни было априорных онтологических предпосылок.

Отвлекаясь от отношения признаков к объективной реальности, мы можем разделить признаки на существенные для нас и менее существенные для нас. Существенные для нас признаки чаще всего образуют классы в естественном языке, т. е. предмет, имеющий существенный для нас признак, называется особенным словом. В разных культурах эти существенные для нас признаки могут быть различными. Различие концептуального строя разных языков доказывает субъективный характер «существенных» признаков предмета.

Отсутствие единообразия в классификации признаков объясняется, главным образом, тем, что, исходя из диалектического материализма, отечественные ученые все время пытались соотнести ментальные признаки концептов с существенными признаками вещей реального мира. В. Я. Шабес [1989] делит признаки на точечные, объемные и динамические, приводя в пример концепт «яблоко». Цвет яблока является точечным и динамическим признаком, так как со временем он может измениться. Величина яблока – это также динамический признак. Здесь семантические признаки концепта смешиваются с признаками предмета. Динамический или точечный характер каких-то признаков яблока не имеет большого значения в чисто лингвистическом смысле. Такое же смешение можно увидеть и в выделении подвижных многоплановых признаков и делении признаков на сенсорные и семантические.

Языковые концептообразующие, существенные для нас признаки могут не иметь ничего общего с объективно значимыми признаками. Здесь можно согласиться с Л. Блумфидом в том, что «научно обоснованные», «объективные» признаки не должны интересовать лингвиста. Все же концептообразующие дифференциальные признаки не полностью произвольны. Обычно это наиболее бросающиеся в глаза (характерные) признаки или

свойства, субъективно значимые для человека, например съедобность.

Приведем пример. Русские названия грибов: подберезовик, подосиновик, боровик, опенок, этимологически восходят к месту их произрастания. Это место и есть интуитивный дифференциальный интенциональный признак, образующий языковые концепты «опенок» и «подберезовик». Биолог возразит, что важнейший различительный признак этих грибов другой: опенок – это пластинчатый гриб, а подберезовик – губчатый. Углубляясь в «динамические», «точечные» или другие подобные признаки, мы впадаем в эссенциализм и подменяем объект анализа, разбирая «субстанцию» означаемого вместо значения слова.

Второй причиной неясностей в классификации признаков является то, что психологическая и семантическая, логическая значимость признаков могут не совпадать. Например, функциональный признак собаки – то, что собаки лают, – имеет большое психологическое значение для ребенка при усвоении языка. Но с логической точки зрения этот признак не является определяющим. Поэтому психолингвисты, логики и культурологи концентрируют внимание на различных видах признаков.

Интересные парадоксы могут возникнуть при несовпадении обывденной и научной таксономии объектов. В обывденном языке предложение «Груша – это яблоко» может показаться противоречием. Можно сказать, что в обычном языке это и есть противоречие. В биологическом языке это предложение истинно, для биолога «яблоко» – родовое понятие по отношению к «груше». Все приведенные примеры подтверждают, что «характерность» чаще всего оказывается главным принципом таксономии обывденного языка. Характерное место, характерный голос, характерная форма и вкус являются существенными для нас признаками понятий «опенок», «собака» и «груша» соответственно.

Другой аспект субъективности значения слова – ассоциации, связанные с одним и тем же понятием в разных языках. Иногда эти ассоциации имеют объективное объяснение, иногда – нет. Немецкий переводчик А. Нойберт приводит такой пример: XVIII сонет Шекспира начинается строкой: «Сравнишь тебя я мог бы с летним днем» (Shall I compare thee to a summer's day). При переводе этой строки на арабский язык слово «летний» пришлось заменить на «весенний» –

лето не вызывает у арабов тех же положительных ассоциаций, что и у англичан [Швейцер, 1973]. Некоторые ассоциации совершенно субъективны. В европейских культурах цвет траура черный, в китайской – белый. Можно выдвинуть гипотезу, что белый цвет – это символ бледного лика смерти, но как бы то ни было, этот пример – еще один довод в пользу психологической, а не онтологической сущности языка.

Важнейшее значение для этой теории имеют понятия «культурно-специфическая реалья» и «фоновые знания». В понятии «культура» различаются три аспекта: материальный, ментальный и поведенческий. Соответственно слова, отражающие феномены культуры, могут быть названы материальными, ментальными и поведенческими реальями. Стереотипы сознания и подсознания носителей языка и культуры могут проявляться эксплицитно, т. е. прямо, или имплицитно, в виде скрытых компонентов значения подтекстов и т. д.

Лингвокультурология рассматривает фоновые знания как основную семантическую категорию. Фоновые знания тривиальны по определению. Общеупотребительный в данной культуре обыденный язык семантически связан с общераспространенными знаниями.

Еще одной чертой лингвокультурологии является разграничение языковых и эмпирических знаний. Обвинения лингвокультурологии в нелингвистичности и эклектизме теряют основание, если последовательно разграничить все ее аспекты. Эссенциалисты, например, последователи герменевтики, утверждают, что знания вообще заключены в языке, даны человеку через язык. Номиналистский путь решения вопроса состоит в разделении знаний о мире (синтетических знаний) и знаний о терминах, знаний о языке (аналитических). Можно выдвинуть законное возражение, что аналитический или эмпирический характер термина определяется лишь интерпретацией. Поэтому аналитическими терминами мы будем называть все конвенции данного языка L, а синтетическими – термины, не выводимые из этих конвенций.

Кроме проблемы признаков и теории значения существуют и другие важнейшие сопряжения лингвистики и философии, составляющие методологическую основу того или иного взгляда на язык. Объем данной статьи не позволяет остановиться на них подробнее. Мы отсылаем интересующегося читателя к другим нашим работам, посвященным этой

теме [Чернобров, 1995; 1999а; 1999б; 2004 и др]. Сейчас мы остановимся на другой важной антитезе в изучении языка – семантика и / или прагматика. Иногда это противопоставление также уподобляют принципу дополнительности в физике.

Л. Витгенштейн высказал ставший знаменитым афоризм: «Значение есть употребление» (см.: [Витгенштейн, 1994]). На современном лингвистическом языке смысл этой фразы можно истолковать так: главная функция языкового знака лежит не в семантической, а в прагматической плоскости. Говоря более простым языком, контекст употребления слова важнее его словарного значения. Функция языка не столько в том, чтобы точно представлять (репрезентировать) сущности реального мира, а в том, чтобы вызывать у собеседника «мысли, сходные с моими» (Локк) и побуждать его к действиям, желательным для автора сообщения. Проблема, которую лингвисты называют «прагматикой языка», «интенцией речевого акта» – одна из актуальных в современном языкознании. Замена прилагательного «летний» при переводе сонета Шекспира – это крайний случай, когда точностью перевода пришлось пожертвовать ради главной, прагматической, цели – вызвать у адресата нужные ассоциации. Все сказанное, безусловно, следует учитывать и при обучении языку.

Итак, главные методологические постулаты на семиотическом уровне можно сформулировать так.

- Методология лингвистики и естествознания принципиально различны.
- Язык отражает сознание, а не реальность.
- В основе теорий языка лежат «предрасудки темперамента».
- Семантика каждого языка национально специфична. Концептуальная схема каждого языка выделяет характерные признаки предметов, важные для данного социума.
- Прагматический, коммуникативный аспект языка важнее его отражательной роли.

Разумеется, все эти чисто академические дискуссии могут показаться бесконечно далекими от «зеленеющего древа жизни», по выражению Гете. Это возвращает нас к вечному спору двух психологических типов – практика и теоретика. Практик не желает заниматься сухой теорией, оторванной от насущных потребностей человека. Теоретик резонно возражает, что «нет ничего практичнее хорошей теории» в том смысле, что теория описывает общие законо-

мерности, и под них попадает любой «мелкий» частный случай, интересующий практика. Практик лишь экземплифицирует предсказанное теоретиком.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Очерки по современной структурной лингвистике. М.: Просвещение, 1966. 304 с.

Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Физматлит, 2000. 356 с.

Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л.: Просвещение, 1966. 192 с.

Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. 296 с.

Блумфилд Л. Язык. М.: Изд-во иностр. лит., 1968. 607 с.

Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1.

Джеймс В. Прагматизм. М., 1910.

Залевская А. А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992. 136 с.

Иванова И. П. и др. История английского языка: Учебник. Хрестоматия. Словарь / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. СПб.: Лань, 1998. 512 с.

Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.

Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. Импер. Казан. ун-та. Казань, 1883. Т. 19. 148 с.

Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. 686 с.

Локк Дж. Опыты о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.

Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. М., 1976.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1958. Т. 1.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т. 2.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 272 с.

Чернобров А. А. Ассоциативный словарь английских личных имен. Новосибирск, 1995. 96 с.

Чернобров А. А. Теория имени и культурный «менталитет» // Гуманитарные науки в Сибири. 1999а. № 1. С. 112–115.

Чернобров А. А. Теория имени: язык – философия – культура. Философские и логико-методологические основы теории номинации. Новосибирск, 1999б. 213 с.

Чернобров А. А. Философско-методологические основы обучения лингвистике // Сибирский педагогический журнал. 2004. № 2. С. 15–22.

Шабес В. Я. Событие и текст. М.: Высш. шк., 1989. 165 с.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

Юнг К. Г. Психологические типы. М., 1994.

Юнг К. Г. О психологии бессознательного. М., 1995.

Материал поступил в редколлегию 30.08.2006